

ПРАВО

Р. И. ГАСАНОВ, М. Т. ЗАДОЯНИЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

Преступник как личность испытывает воздействие социального контроля, т. е. его поступки и действия регулируются с помощью целой системы социальных правил и норм, среди которых важное место занимают нормы советского уголовного права. Именно уголовный закон является той юридической формой, которая фиксирует объективно существующую связь между личностью преступника и её антиобщественным поведением.

Личностные черты и качества преступника закономерно проявляются в его противоправной деятельности. Это определяется тем, что природа внутреннего мира преступника, как и иной личности, будучи детерминирована общественными условиями, обнаруживается через социально значимую активность. Такая активность представляет собой выражение не только индивидуальных черт преступника, но и типичных свойств и качеств его личности. Типичное в личности преступника есть в определенном смысле типичное в её поведении, рассмотренном, в частности, в аспекте социального контроля.

Конечно, при этом нельзя упрощать характера связи между личностью преступника и её преступным поведением. Личность преступника не исчерпывается, да и не может исчерпываться преступной деятельностью, а сама преступная деятельность не есть лишь форма проявления личностных качеств. «С точки зрения связи между преступлением и личностью преступника, — пишет венгерский криминолог Андраш Сабо, — положение «личность — продукт отношений, создаваемых активной деятельностью» имеет двойное значение. Во-первых, преступление может быть не только проявлением личности преступника, но само оно также оказывает обратное воздействие на личность, совершившую преступление. Совершение преступления не только следствие, но может быть и отправной точкой развития преступника в уголовника» [1].

Особенности личности преступника, таким образом, диалектически взаимосвязаны с деятельностью, виновно нарушающей общественные требования, закрепленные в уголовном законе. Сами же эти требования выступают по отношению к личности и как средство ориентации ее социального поведения в той или иной жизненной ситуа-

ции, и как средство контроля за этим поведением со стороны общества и государства. В контрольных функциях уголовно-правовых норм проявляется общественная необходимость определенного поведения личности, соответствия ее воли и действий волевой направленности общества.

Факт преступления свидетельствует о том, что личность грубо нарушила наиболее жестко проводимые в жизнь императивы социального контроля. Она умышленно или по неосторожности совершила действия, посягающие на те звенья социального контроля, которые служат уголовно-правовой охране важнейших общественных отношений. Тем самым преступник объективно поставил себя в положение сознательного или бессознательного противника наиболее важных элементов социального контроля, что в конечном итоге и проявилось в конкретном уголовно наказуемом деянии.

Преступление по своему социальному и психологическому содержанию — сложный вид специфической деятельности. В нем, как и в любой форме деятельности, всегда обнаруживается диалектика взаимопереходов внешних факторов во внутренние, а затем их объективизация в деянии. Окружающие макро- и микроусловия жизни индивида определяют содержание его духовного мира, а внутренние черты, качества и свойства воплощаются в деятельности, которая оказывает активное воздействие на окружающие условия. Система социального контроля служит тому, чтобы направить в определенное русло процесс формирования положительных черт и качеств духовного мира личности, исключить или нейтрализовать возможности противоправного воздействия этой личности на общественные отношения. Эти общие положения справедливы и для характеристики личности преступника с точки зрения социального контроля.

По отношению к личности вообще и к преступнику, в частности, окружающая общественная среда выступает в качестве динамической системы, с которой личность находится в диалектическом взаимодействии [2]. Эта система непосредственно воспринимается как совокупность требований, норм и правил, ориентирующих и направляющих активность личности. Указанные социальные ценности непосредственно обуславли-

ют процесс формирования у субъекта внутренних эталонов поведения, которые по своей социально-психологической сущности есть не что иное, как форма трансформации через духовный мир и жизненный опыт личности внешних по отношению к ней ценностных регламентации.

Формирование внутренних эталонов поведения обусловлено тем фактом, что общественные требования, будучи воспринятыми личностью, получают в её сознании относительно самостоятельную жизнь. В соответствии с этим личность не только оценивает собственные поступки и поведение окружающих её людей, но и выбирает те или иные варианты действий в разнообразных жизненных ситуациях, строит линию своего поведения, наконец, определяет свое отношение к обществу в целом, к его велениям и предписаниям, выраженным в социальных нормах. Именно это позволяет характеризовать сознание индивида как индивидуальный психологический механизм, регулирующий деятельность данного человека. Нравственное и правовое, содержание субъективных эталонов поведения раскрывается тогда, когда в тех или иных обстоятельствах они срабатывают как элементы самоконтроля и саморегуляции социально-нравственной и социально-правовой активности личности.

Преступное поведение индивида свидетельствует о том, что его внутренняя система контроля и саморегуляции находится в противоречии с одобренными обществом нормами и правилами. Преступник — это человек, усвоивший из своего индивидуального бытия, практики и опыта такие черты, которые позволяют ему выбирать антиобщественные, варианты поведения в соответствии с узкоэгоистическими личными целями. Эти цели, определяя мотивацию поведения, обуславливают выбор противоправных средств для их достижения. Достижение узкоэгоистической и противозаконной цели предполагает также определенную последовательность противоправных и аморальных действий, т. е. регуляцию не только отдельного действия, а некоторой системы поступков и действий, из которых складывается преступное деяние.

Целенаправленность противоправного поведения есть один из показателей того, что личность сознательно (виновно) выразила свое отношение к факту преступления. «Осознание человеком какого-либо факта или события, — пишет Абульханова К.А. — это не просто объективное познание его причин и следствий, получение знания об этом событии и не только познание чисто субъективного значения для данного индивида, а выход за пределы субъективной значимости данного факта по отношению к чему-либо во мне самом, который возникает только в связи с объективным отношением к другому человеку» [3]. В осознании факта преступления выража-

ются и самооценка совершившей его личности, и её отношение к другим людям и к общественной системе контроля. В этом смысле преступление может быть охарактеризовано как социальный факт, в котором объективно проявилось противоречие между индивидуальным механизмом регуляции деятельности личности преступника и общественным механизмом социальной регуляции.

Указанная противоречивость — это лишь одна из сторон более общего противоречия между личностью и обществом, между нравственным и правовым обликом индивидуума и такими формами общественного сознания, как правосознание и мораль. Названное противоречие непосредственно проявляется в том, что субъект, совершивший преступление, необоснованно не приемлет или отрицает общественно полезные социальные установки, ценностные ориентации, нормативные суждения и иные элементы социального контроля. А отживающие элементы общественного сознания, факторы, дезорганизующие социальный контроль, наоборот, приемлются таким индивидом, становятся внутренним стимулом его дальнейших поступков.

В социально-психологическом плане всегда следует иметь в виду, что противоречие между внутренней системой контроля личности и социальными нормами и правилами приобретает наибольшую остроту, а также устойчивость и продолжительность во времени в тех случаях, когда неверные эталоны и правила поведения закрепляются в относительно стабильные программы общественно вредного индивидуального поведения. Это можно обнаружить, во-первых, в том, что индивид продолжительное время неправильно понимает и воспринимает программу санкционированных извне и носящих ситуативный характер норм-ожиданий (в противоречии с их социальными функциями и целевым назначением), во-вторых, в грубом искажении программы установок и ценностных ориентации на общественно полезную деятельность, в-третьих, в уродливом, искаженном, одностороннем развитии программы знаний и ориентации, сложившихся в процессе собственного жизненного опыта личности, совершившей преступное деяние.

Когда речь идет об относительно стабильных программах антиобщественного поведения, то в них раскрываются не только ролевые функции личности в тех или иных ситуациях, но и свойственная ей система установок, ориентации, направленности. Эти программы позволяют характеризовать преступника не как безликого исполнителя специфических социальных ролей, регламентированных и управляемых с помощью правовых и иных норм, а как носителя индивидуальных черт к качеств.

Главное состоит в том, что через анализ программ антиобщественного поведения обнаружи-

1 Sabo, Andras, B?nfett ?s Szemelyiseg - "Allam esYogtudomány", 1966, №4, p 668.

2 См: Антонян Ю.М. Системный подход к изучению личности преступника. - "Советское государство и права", 1974, №4, с.92.

3 Абульханова К.А. О субъекте психологической деятельности. М., 1973, с.281.

ваются те внутренние социально-психологические качества личности преступника, которые составляют суть его отношения к обществу, к окружающим людям, к санкционированным и одобренным моралью и правовыми нормами правилам поведения. На основе стабильности о содержания программ антиобщественного поведения вполне возможна типизация индивидов, совершивших те или иные преступления. Такая типизация по отношению к учению о типе личности преступника носит, так сказать, частный, вспомогательный характер. Типообразующими признаками в ней являются устойчивость программ антиобщественного поведения, их глубина, продолжительность во времени, взаимосвязь с тем или иным видом преступной деятельности, ретроспективное отношение к совершенному преступлению, степень исправления и перевоспитания (перестройки программ поведения) в процессе отбытия наказания и др. Возможна также типизация с учетом предметного содержания и направленности программ поведения. Здесь дифференциация проводится с учетом таких признаков, как отношение к социальным ценностям: собственности, к труду, к жизни и чести граждан, и т. д.

При этом необходимо учитывать что преступником чаще всего становится лицо с неверной нравственной и правовой ориентацией, негативно или безразлично относящееся к программам общественно-полезного поведения, закрепленным в правовых и нравственных нормах. Личностно не принятые императивы и предписания социальных норм не являются для преступника внутренней основой, исходными принципами саморегуляции собственной деятельности. Он либо открыто выступает против общественных велеаний, либо, отступая от общественно полезных программ повеления, маскирует свои поступки и действия. В последнем случае индивид живет двойной жизнью, внешне ориентируясь на программы общественно-полезного поведения, а внутренне отвергая их.

Такое противоречие дезорганизует механизм саморегуляции личности, делает её поведение непоследовательным, быстро меняющимся в зависимости от обстоятельств. Вследствие этого в жизненных ситуациях, носящих конфликтный характер, личность оказывается способной на выбор общественно опасных вариантов поведения. В таких случаях обнаруживается низкая эффективность тех сдерживающих внутренних рычагов, которые должны были тормозить процесс возникновения и реализации мотивов противоправного поведения, препятствовать совершению опасных для общества деяний. Незрелость сдерживающих начал в этих случаях, как правило, связана с дефектами правовых элементов самоконтроля и саморегуляции, тех или иных сторон и компонентов индивидуального правосознания.

Так, изучение большой группы преступников молодежного возраста показало, что одним из характерных дефектов правосознания личности, оказавших прямое влияние на реализацию программ антиобщественного поведения, является искаженное представление о вредоносности действий, имеющих уголовно-правовое значение. Это выражается не только в неверном понимании конкретного вреда, который нанесен непосредственному объекту посягательства, но и в непонимании социальной значимости своего противоправного действия, его антиобщественной направленности.

Здесь проявляется зависимость, такого рода: чем поверхностнее, чем больше искажено понимание субъектом вредоносности своих действий, тем в большей степени оно выступает в качестве фактора, обуславливающего ослабление сдерживающих начал общественно опасного поведения. В таких случаях наблюдается нарушение положительной системы саморегуляции личности, снижение эффективности воздействия на нее правовых и нравственных элементов социального контроля. Свое непосредственное выражение это находит в прямой зависимости между осознанием вредоносности действий и решимостью совершить их без внутренних колебаний или при наличии таковых.

Преступление, как правило, совершается без внутренних колебаний в тех случаях, когда субъект не задумывается о причиненном его действиями вреде (47% всех изученных), значительно реже он считает, будто его действия наносят вред лишь отдельным лицам (16,8%) и весьма редко преступник без колебаний совершает преступление, осознавая вред, наносимый обществу (7,7%). При этом, чем глубже индивид осознает вредоносность своих действий, тем больший удельный вес в причинах, вызвавших колебания, занимают нормативно выраженные общественные требования и велеания. Так, из числа тех, кто создавал наносимый своими действиями вред, колебались вследствие угрозы уголовной ответственности 28,4% лиц, боялись осуждения обществу - 7,2%, среди тех, кто считал, что наносит вред лишь отдельным лицам, эти показатели равны 23,1% и 3,1%, а в группе лиц, не создававших вредоносности совершенного деяния, — соответственно 10% и 1,7%.

Из приведенных данных видно, что нормативные элементы социального контроля, оказывая определенное влияние на духовный мир и поведение преступника, вместе с тем не всегда производят достаточно эффективное предупредительное воздействие. Эффективность нормативных элементов социального контроля зависит как от их престижности, так и от того, насколько правильно государственные органы и общественные организации строят свою деятельность по их обеспечению. В каждом конкретном случае важ-

ное значение имеют также глубина и устойчивость антиобщественной направленности личности, её отношение к противоправному деянию.

Следует особо отметить, что для некоторых видов преступлений свойственна высокая частота мотивации, основанной на искаженных представлениях о вредоносности общественно опасных деяний. Вследствие этого существенно ослабляется регулятивное влияние на личность нормативных элементов социального контроля, снижается его эффективность. К таким преступлениям, прежде всего, относятся хулиганство, нанесение тяжких телесных повреждений, совершаемая которыми, лица молодежного возраста в большинстве случаев либо вовсе не задумывались об их вредоносности, либо полагали, что наносят вред лишь отдельным лицам. Для этих видов преступлений как раз и характерны минусовые отклонения от средней частоты распространенности (средняя для всех изученных видов преступлений) такого признака, как колебания, вызванные боязнью уголовной ответственности и осуждения общественности.

Эти отклонения от средней частоты распространенности таких признаков для лиц, совершивших хулиганские действия, выражаются в следующих показателях: сознавали вред, наносимый обществу, и колебались, боясь уголовной ответственности - 14,7% (средняя - 28,9%); осуждения общественности - 3,5% (средняя - 7,2%); полагали, что наносят вред отдельным лицам и колебались, боясь уголовного наказания - 20,3% (средняя - 23,3%); не сознавали вредоносности деяния и колебались, так как боялись уголовного наказания - 6,37% (средняя - 10%); боялись осуждения общественности - 0,6% (средняя - 1,7%). Здесь на лицо особенно вязкая эффективность сдерживающих начал саморегуляции.

Осознание вредоносности своих действий (как фактор, влияющий на саморегуляцию поведения, в частности на внутренние колебания индивидуума) неразрывно связано с тем, насколько субъект знает правовые последствия своих преступных действий и понимает неизбежность ответственности за них. Осознание правовой ответственности (наказания) уже само по себе является фактором, вызывающим существенные колебания перед принятием решения и выбором преступного действия, а после совершения преступления - обстоятельством, способствующим отказу от дальнейшей преступной деятельности. Выступая в единстве с фактором осознания вредоносности своих действий, оно способно занять важное место в системе самоконтроля и саморегуляции личности, стать сдерживающим началом. Здесь-то и имеет место один из частных случаев взаимосвязи превентивного и последующего контроля.

Превентивный контроль, являясь одним из эффективных средств воздействия на личность, создает такие условия внешней регламентации,

при которых её деятельность направляется в общественно полезное русло и тем самым исключается (либо сводится до минимума) возможность совершения ею преступления. Превентивный контроль обеспечивает также формирование у личности оценок, представлений, взглядов, суждений и других элементов самоконтроля, соответствующих требованиям и нормам социалистического правосознания. В отличие от превентивного контроля, осуществляемого до совершения индивидом противоправных действий, последующий контроль есть одна из форм обратной связи субъекта преступления и его преступных действий. На любой стадии совершения преступления он включает в себя ретроспективный анализ и оценку содеянного, истолкования полученных результатов, внесения коррективов в поступки и действия. От того, насколько сформированы в личности нормативные элементы последующего контроля, зависит отношение к совершенному преступлению, к общественному вреду от содеянного и его правовой значимости. Это оказывает также прямое влияние на дальнейшую линию поведения индивида: отказ от преступной деятельности, явка с повинной, раскаяние, стремление загладить причиненный вред или, наоборот, попытка скрыть следы совершенного преступления и избежать ответственности, укрепления решимости продолжать преступную деятельность и т. п.

Действенность последующего контроля в значительной степени определяется тем, насколько развита у личности система превентивного контроля. Дефекты этой внутренней системы являются как бы предшествующей ступенью дефектов контроля последующего, что, к примеру, ярко проявляется в отношении преступников к наказанию. Для лиц, негативно или безразлично относящихся к требованиям уголовно-правовых норм, имеющих неразвитую систему сдерживающих рычагов поведения, особенно характерны искажения правовых представлений и суждений об уголовной ответственности за содеянное.

Как показывают выборочные исследования, среди лиц, совершивших преступление в молодом возрасте, признак «осознание правовых последствий» распределяется так: знали об ответственности и сознавали, что понесут наказание, — 22,8%; знали об ответственности, но надеялись избежать её — 13,6%; не думали о наказании — 55,4%; считали, что наказание будет более мягким, — 3,7%; полагали, что за данное деяние не будут привлечены к уголовной ответственности, — 4,5%.

Отсутствие четко сформированной правовой оценки преступного деяния, искаженное представление о ней дифференцированно проявляются в ослаблении системы превентивного и последующего контроля применительно к характеристике лиц, совершивших различные преступные деяния. Более всего свойственны указанные де-

фекты внутреннего контроля индивидам, совершившим хулиганские действия (ничего не думали о наказании - 61,3%, надеялись избежать наказания или неправильно представляли его - 19,6%) и изнасилования (ничего не думали о наказании - 60,5%, надеялись избежать наказания или неправильно представляли его - 26,7%).

Допущение возможности избежать наказания и искаженное представление о нем существенно влияют на эффективность внутренних сдерживающих рычагов ведения. Это непосредственно проявляется в прямой зависимости указанного признака с колебаниями перед совершением преступления, а также в процессе реализации преступного умысла. Так, менее всего свойственны колебания тем, кто в момент преступления не думал о предстоящем наказании, — 21% изученных (в среднем же — 28,2%). Игнорирование грозящей ответственности значительно снижает эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания. Например, из тех, кто не думал о предстоящей ответственности, колебались вследствие угрозы уголовного наказания всего 8,8%, тогда как в среднем этот признак равен 16,1%.

Осознание субъектом вредоносности преступных деяний и их правовых последствий (наказания) имеет непосредственную связь с мотивационной сферой. Это и понятно: правовые элементы внутренней системы превентивного и последующего контроля оказывают влияние на поступки и действия индивида не иначе, как направляя и регулируя процесс мотивации. Ослабление, искаженность и неразвитость этой системы контроля облегчает (создает внутренние условия) возникновение и реализацию мотивов преступной деятельности.

Так, для всех без исключения мотивов преступлений, совершенных молодыми людьми[4], характерно то, что их возникновение и реализация связаны с недостаточно четким или искаженным представлением об опасности преступных деяний[5]. В зависимости от мотива преступления признак «не сознавал вредоносности действий» наблюдался у 49— 68% изучавшихся лиц. Возникновение и воплощение в деянии значительной части (от 17,9% до 39,2%) мотивов осуществляется в условиях, когда субъект считал, что наносит вред лишь отдельным лицам.

Подобного рода зависимость обнаруживается и между мотивами преступлений, с одной стороны, и неверными представлениями о правовых последствиях совершенных преступлений — с другой. Многие мотивы преступления имели в качестве психологической предпосылки такое отношение к ответственности, как: «знал об ответ-

ственности, по надеялся её избежать» (от 7,1% до 34,8%); «считал, что наказание будет более мягким» (от 7,1% до 11,9%); «полагал, что за это не привлекут к уголовной ответственности» (от 1,4% до 12,7%).

Указанные дефекты системы внутреннего контроля существенно влияют на возникновение и реализацию всех без исключения мотивов преступной деятельности. Однако более всего они облегчают реализацию четко не сформулированных мотивов, а также побуждений раздражительного характера. Особенно часто это проявляется при совершении таких преступлений, как хулиганство, изнасилование, несколько реже при совершении грабежей, разбойных нападений, убийств, нанесения тяжких телесных повреждений[6].

Разумеется, отношение к наказанию, как и глубина осознания вредоносности своих действий — лишь частные характеристики тех дефектов в превентивном и последующем контроле, которые присущи личности преступника. Да и сами эти формы внутреннего контроля отнюдь не исчерпывают социально-психологических особенностей саморегуляции деятельности, имеющей правовое, в том числе и уголовно-правовое значение. Однако отношение к социальной ценности (в частности к вредоносности) своих поступков, к их правовой значимости (например, к уголовно-правовой ответственности) выражает не только нравственное и правовое содержание элементов самоконтроля личности, но и раскрывает в определенной степени ее общественную позицию в отношении действующей системы социального контроля.

Думается, что дальнейшее изучение проблем социального контроля является направлением исследования, перспективным для развития криминологической науки вообще, разработки проблем личности преступника в частности. Оно позволит, во-первых, глубже изучить непосредственные детерминанты социально-психологического механизма преступного поведения и прежде всего правовые и нравственные элементы саморегуляции поступков и действий. Во-вторых, оно необходимо для того, чтобы всесторонне исследовать взаимосвязь внутренних программ контроля и самоконтроля с общественной системой социального контроля, выявить, при каких условиях имеющиеся здесь противоречия проявляются в наиболее острой форме — в преступлении. В-третьих, такие исследования дадут возможность более полно охарактеризовать социальные процессы, оказывающие негативное влияние на организацию общественного и государственного контроля над поведением личности.

Сознательная ориентация на моральные и правовые ценности общества один из показателей истинной свободы личности как целенаправленной деятельности, согласованной с требованиями социального контроля. Ведь свобода личности приобретает свою действительную сущность и полноту лишь тогда, когда она обнаруживается и выявляется в системе общественных отношений как деятельность личности, отвечающая интересам общества, выраженным в нормативных и ненормативных велениях и императивах. Эта взаимосвязь свободы личности и необходимости соответствия поступков индивида требованиям общества. Предоставив и гарантировав трудящимся самые широкие права и свободы, вместе с тем немисливо без строгого соблюдения законности, одним из требований которой является ответственность каждого за нарушение закона.

Одной из важнейших задач социального контроля является формирование у личности личной ответственности за свои действия и поступки. Эта ответственность как раз и означает, что личность соотносит любой свой социально значимый поступок с требованиями общества, выраженными и закрепленными в правовых, нравственных и иных нормах. Внутренняя система социального контроля выступает, таким образом, как непрерывное условие и форма выражения сознательной ответственности личности перед обществом, социальной группой, коллективом, самим собой. Внешняя же система контроля — регулятивное средство обеспечения подлинной свободы и вы-

сокой ответственности личности. В этом смысле социальный контроль в целом можно характеризовать как систему, которая носит личный и общественный характер.

Упрочивая взаимосвязь общественного и личного в системе социального контроля, общество успешно решает задачу социализации личности, развития её свободы и формирования сознательной ответственности. А это, в частности, означает, что идет закономерный процесс постепенного устранения из жизни общества чуждого ему и исторически изжившего себя типа личности преступника.

Литература:

1. Sabo, Andras, Bunfett es Szemelyiseg - "Allam es Yogtudomany", - 1966. - №4. - P.668.
2. Антонян Ю.М. Системный подход к изучению личности преступника. - «Советское государство и права», - 1974. - №4. - с.92.
3. Абульханова К.А. О субъекте психологической деятельности. М., 1973, с.281.
4. Тузов А.П. Мотивация противоправного поведения несовершеннолетних. К. 1982.
5. Миллер А.И. Противоправное поведение несовершеннолетних (генезис ранняя профилактика). К., 1985.
6. Кримінологія. Особлива частина. Навчальний посібник для студентів юридичних спеціальностей вищих навчальних закладів. І.М. Даньшин, В.В. Голина, О.Г. Кальман. - Харків: „Право“, 1999.

4 Тузов А.П. Мотивация противоправного поведения несовершеннолетних. К. 1982.

5 Миллер А.И. Противоправное поведение несовершеннолетних (генезис ранняя профилактика). К., 1985.

6 См.: Кримінологія. Особлива частина. Навчальний посібник для студентів юридичних спеціальностей вищих навчальних закладів. І.М. Даньшин, В.В. Голина, О.Г. Кальман. - Харків: "Право", 1999.